

3. Грузін Ю. В. Інфернальний герой в російській прозі ХХ століття. Витоки. Типологія. Трансформація. Автореф. ... канд. філол. н. – Київ, 2001. – 19 с.
4. Жирмунский В. М. История легенды о Фаусте / Легенда о докторе Фаусте / Издание подготовил В.М. Жирмунский / В. М. Жирмунский. – М. : Наука, 1978. – 424 с.
5. Лахманн Р. Дискурсы фантастического : Перевод с нем. / Ренате Лахманн. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 384 с.
6. Лотман Ю. М. «Пиковая дама» и тема карт и карточной игры в русской литературе начала XIX века / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в трех томах. – Таллинн: «Александра», 1992. – С. 389 – 415.
7. Набитович І. Універсум *sacrum* у художній прозі (від Модернізму до Постмодернізму): Монографія / І. Набитович. – Дрогобич – Люблін : Посвіт, 2008. – 600 с.
8. Одоевский В. Ф. Повести и рассказы / В. Ф. Одоевский. – М. : Худ. лит., 1988. – 382 с.
9. Соловьев В. С. Предисловие <К книге А. К. Толстого «Упырь»> / Владимир Соловьев // Соловьев В. С. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. – М. : Книга, 1990. – С. 458 – 462.

УДК [181.161.1 + 81.42]

Юрченко О.М.
(Україна, Харків)

ОБРАЗ РЕБЕНКА-ЖЕРТВЫ В ФОКУСЕ АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ

В статті розглядаються основні елементи створення інтратекстуальних зв'язків між художніми творами Достоевського, як одного з засобів створення образу дитини-жертви. Виявляються функції елементів автоінтертекстуальності у побудові художнього образу дитини.

Ключові слова: автоінтертекстуальність, інтратекстуальні зв'язки, образ дитини-жертви, алюзії, ремінісценції.

В статье рассматриваются основные элементы создания интратекстуальных связей между художественными произведениями Достоевского, как одного из способов создания образа ребенка-жертвы. Выявляются функции элементов автоинтертекстуальности в построении художественного образа ребенка.

Ключевые слова: автоинтертекстуальность, интратекстуальные связи, образ ребенка-жертвы, аллюзии, реминисценции.

Intratextual ties key elements as a method of a child-sacrifice image creation in the novels by Dostoevsky are being regarded in the present article. Individual functions of intratextual elements in child image creation are being also emphasized.

Key words: selfintertextuality, intratextual ties, child-sacrifice image, allusions, reminiscencia.

© Юрченко О.М., 2011

Одной из ярких черт индивидуального стиля Ф.М. Достоевского, его выразительным элементом, пропитывающим все художественно-творческое наследие писателя, является интертекстуальность, которая проявляется в виде многочисленных обращений Федора Михайловича к прецедентным текстам. Исследователи творчества Достоевского отмечают богатство источников «чужих текстов», к которым обращается мастер. Это и Святое Писание, фольклор, произведения русской и мировой литературы, публицистика и т.д.

Параллельно с интертекстуальными связями, возникающими между текстами различных писателей литературного пространства, рождаются так называемые интратекстуальные связи, скрепляющие тексты одного писателя. По замечаниям исследователя Михаила Михеева «каждый писатель по-своему однообразен, то есть и художественные приемы, и сами излюбленные им смыслы, как правило, повторяются из произведения в произведение» [1:253]. Такие повторы пронизывающие все произведения Достоевского связывают с автокоммуникацией писателя, с многомерностью его «Я». «Отношения, которые возникают между «близничными текстами» по аналогии с теми, которые возникают между текстами разных авторов, называют автоинтертекстуальными» [2:91]. Автоинтертекстуальность является признаком индивидуально-авторского стиля и фиксирует интертекстовое взаимодействие текстов одного автора [3:210].

В основе классификации интертекстуальных элементов лежит принцип атрибутивности \ неатрибутивности заимствованного текста или его части, явный или скрытый характер атрибуции, способ и объем представления исходного текста в тексте реципиента. В связи с чем, выделяют цитаты, аллюзии, ремениценции как основные элементы установления интертекстуальных связей между текстами различных авторов [там же].

Выделяемые элементы интертекстуальности применимы также к установлению автоинтертекстуальных связей, с той лишь оговоркой, что данный тип связи пронизывает различные произведения одного писателя. **Цель** настоящей статьи сводится к выявлению интратекстуальных связей между художественными произведениями Достоевского и установлению их роли в создании образа ребенка-жертвы в творчестве писателя.

Неоднократное повторение актуальных для Достоевского тем, мотивов, образов связано с художественной манерой писателя. Для Достоевского самым характерным является экспериментальный метод его творчества, о котором говорил А.С. Долинин, «та исключительная ясность чувствования, благодаря которой он так умеет утончать переживания, сосредоточить все напряжение душевное на одной какой-нибудь детали. Восприятие мировой трагедии через муки ни в чем неповинных детей...» [4:93]. Центральные коллизии у Достоевского преломляются в «детском» опыте. Проблемы веры и безверия, свободы и необходимости и многие другие – зачастую выражены в инвариантном образе ребенка-жертвы. Мы говорим об инвариантности образа ребенка-жертвы, поскольку предполагаем его разнообразное повторение в однотипных сюжетах, текстовых ситуациях как прецедентного феномена текстового универсума Достоевского.

Мотив страдания детей внутренне скрепляет как, одно многоплановое тематико-вариативное произведение «Дневник писателя», так и все другие художественные тексты Достоевского, тем самым, образуя один поливалентный текст о детях.

Процесс автопереклички, напоминающий диалог писателя с самим собой задается уже в «Дневнике писателя» постановкой и расположением глав объединенных темой

детства. Проиллюстрируем названия произведений: Будущий роман. Опять «случайное семейство»; Елка в клубе художников. Дети мыслящие и дети облегчаемые. «Обжорливая младость». Вуйки. Толкающиеся подростки. Мальчик с ручкой; Мальчик у Христа на елке; Дело Кронеберга; Опять о случайном семействе; Дело родителей Джунковских с родными детьми; Враг ли я детей? О том, что значит иногда слово «счастливая».

Из представленных заглавий видно, что некоторые из них являются одинаковыми: Опять «случайное семейство» – Опять о случайном семействе т.е. Достоевский как бы цитирует сам себя и тем самым напоминает о поднятой проблеме случайных семейств в начале дневника. Другие – формально выражены частичным повтором номинации с подменой имени собственного: Дело Кронеберга – Дело родителей Джунковских и выступают в виде тематических блоков судебного разбирательства по вопросу наказания детей. Третьи – представляют собой синтаксический повтор с актуализацией метонимического переноса (елка – место торжества детей) Елка в клубе художников – Мальчик у Христа на елке. Некоторые из глав связаны цепной тематической связью, где содержание одной главы плавно вытекает из содержания главы предыдущей: Мальчик с ручкой – Мальчик у Христа на елке. Интересно, что повтор заглавий в «Дневнике писателя» образует некое композиционное кольцо всех историй, ключевой идеей которых является идея страдания детей.

Заглавия отдельных глав произведений Достоевского устанавливают и межтекстовые переключки с другими текстами писателя, что позволяет актуализировать важную для автора тему страдания детей. Сравним заглавия романа «Братья Карамазовы» с заглавиями «Дневника писателя»: Связался со школьниками; Мальчики: Коля Красоткин; Детвора; Школьники; Жучка; У Илюшиной постельки; Раннее развитие; Илюша: Похороны Илюшечки. Речь у камня. Все эти главы внутри одного романа постепенно раскрывают сущность одной истории связанной со страданием одного ребенка Илюши Снегирева, тогда как главы «Дневника писателя» каждый раз заново открывают несколько параллельных историй. Несмотря на это заглавие обоих произведений представлены словами, деривационно связанных со словом дети (Детвора; Дети мыслящие и дети облегчаемые), мальчик (Мальчики; Мальчик с ручкой; Мальчик у Христа на елке). В целом, большинство заглавий двух произведений связаны семьей детскости.

Наиболее активно, для установления автоинтертекстуальной связи внутри единого «текстового пространства», Достоевский использует аллюзии. Воздействуя на подсознание читателя посредством воспоминаний, ощущений, ассоциаций, писатель выражает определенное отношение к теме страдания детей, подчеркивает их множество, объединяет всех страдающих детей в один многоплановый художественный образ ребенка-жертвы.

Сквозной мотив страдания детей, как бы прошивает, пронизывает насквозь все произведения Достоевского. Этот мотив выполняет роль «внешнего скрепа», который позволяет удерживать отдельные тексты внутри одного. «В результате читателю становится понятно, что рассказы образуют единый цикл, что главные действующие герои в них одни и те же, что место и время приблизительно совпадают и детали в целом повторяются (иногда, впрочем, с незначительными отклонениями, отступлениями, теми или иными фактическими – сознательными или не осознанными автором – расхождениями)» [1:235-236].

Основная функция аллюзий или ременисценций в произведениях Достоевского, на наш взгляд, функция генерализации или типизации – «когда изображаемое доводится «до эпоса», до библейности» [5:229]. Ременисценции усиливают типичность образов или описываемых явлений, мы словно читаем один большой рассказ о всех страдающих детях.

В этом смысле сравним образ пятилетней девочки в рассказе Ивана Карамазова романа «Братья Карамазовы», с образом подсудимой Корниловой в речи обвинителя в «Дневнике писателя»:

«Братья Карамазовы» ... *в холод и мороз запирали ее на всю ночь в отхожее место, и за то, что она не просилась ночью (как будто пятилетний ребенок, спящий своим ангельским крепким сном, еще может в эти лета научиться проситься)...* [6: 249].

«Дневник писателя» *Наказание же ребенка было лишь один раз жестокое: мачеха высекла его раз утром при пробуждении за то, что не умеет проситься ночью. Никакой тут ненависти к нему не было. Когда я ей заметил, что за это нельзя наказывать, что сложение детей и природа их различны, что шестилетний ребенок еще слишком мал, чтобы всегда уметь проситься...* [6: 386].

Из двух фрагментов видно, что цель наказания ребенка одна – «ребенок не просился ночью», которая вербализуется Достоевским с явной схожестью в двух произведениях. Экспликация природы поведения ребенка осуществляется синонимичными глагольными формами *может проситься \ уметь проситься*. В первом фрагменте расположение объяснения естественности поведения ребенка во вставке, позволяет автору передать оттенок попутного замечания данного объяснения, индивидуальных размышлений рассказчика. Во втором же фрагменте разъяснение природности и натуральности поведения ребенка в таком возрасте представлено в косвенной речи рассказчика. Это позволяет предположить, что рассказчик прямо и непосредственно представил свои рассуждения матери, наказавшей ребенка. В обоих произведениях рассуждения рассказчиков плавно переходят от случая частного (конкретный ребенок) к случаю обобщенному (обобщенный образ ребенка). В целом, факт наказания ребенка в двух произведениях, представлен Достоевским практически одинаково, с небольшими расхождениями по вопросам возраста ребенка (пять \ шесть лет) и частотности наказания (постоянное наказание \ единичное наказание).

Как известно, авторская оценка не всегда выражается непосредственно, «а на основе образных параллелей и представлений, центром притяжения которых служит персонаж и связанные с ним реалии или явления» [5:30]. В этом смысле можно заметить, что во многих произведениях Достоевского аллюзии и ременисценции, являются также средством выражения неявной авторской оценки. Писатель не только передает свои чувства жалости, сострадания к детям-жертвам посредством диминутивных суффиксов и уменьшительно-ласкательных слов, но возбуждает такие же чувства в читателе путем изображения сходных условий жизни этих детей.

«Мальчик с ручкой» *Перед елкой и в самую елку перед рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку никак не более лет семи... Один из них ночевал несколько ночей сряду у одного дворника в какой-то корзине...* [7:359].

«Мальчик у Христа на елке» *Мережится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее* [7:359]

«Преступление и наказание» *Самая маленькая девочка, лет шести, спала на полу, как-то сидя, скорчившись... Мальчик годом старше ее, весь дрожал в углу и плакал. ... Старшая девочка лет девяти, высокенькая и тоненькая, как спичка, в одной худенькой и разодранной всюду рубашке и в накинутом на голые плечи ветхом драдедамовом бурнусике, шитом, ей вероятно, два года назад, потому что он не доходил теперь и до колен, стояла в углу... [7: 29].*

Из приведенных фрагментов видно, что дети растут в условиях недопустимых для их возраста. Кто-то спит на полу, кто-то в подвале, кто-то в корзине, кто-то в углу, а кто-то просто живет на улице и бродяжничает. Тот образ жизни, который им приходится вести в силу сложившихся обстоятельств представлен контрапунктно, во многих произведениях Достоевского, но максимально актуализирован в «Мальчик с ручкой».

Наше исследовательское внимание привлекло изображение Достоевским детских фантазий, которые ассоциативно можно связать воедино по признаку детскости и наивности. Именно наивные мечты, грезы о будущем делают детей, по мнению писателя, «особым существом».

«Дневник писателя» «Дело родителей Джунковских» ... *был бы я побольше, пошел бы на войну, а там бы приехал сюда; учительшика спросил бы: где вы были? Как смели уехать из класса? А я бы вынул из кармана Георгий и повесил в петлицу, тут бы он испугался и бросился на колени!* [6: 352]

«Дело Кронеберга» ... *он положил перо, и к нему подходит девочка, дочка шести лет от роду, и начинает говорить ему, чтоб он ей купил новую коляску, настоящую коляску с лошадьми; она сядет с куколкой и с няней в коляску и поедет к Даше, няниной внучке* [6: 86]

«Братья Карамазовы» *Папа, говорит, папа, все-таки не мирись: я вырасту, я вызову его сам и убью его!... я его повалю, как большую буду, я ему саблю выбью своей саблей, брошусь на него, повалю его, заманусь на него саблей и скажу ему: мог бы сейчас убить, но прощаю тебя, вот тебе!... я разбогатею, я в офицеры пойду и всех разобью, меня царь наградит, я приеду, и тогда никто не посмеет...* [7: 213].

Следуя учению античных грамматик о том, что «язык используется не только для описания реального мира, но и для выражения наших желаний» Ц. Тодоров выделяет четыре вида наклонений по признаку наличия \ отсутствия связи с «желаниями» и по признаку выраженности субъекта высказывания с субъектом акта высказывания желаний [8:176-189]. В приведенных примерах, можно увидеть, что все дети являются субъектами акта высказываний своих желаний, но субъекты высказываний у них разные. В первом фрагменте субъектом акта высказывания является мальчик, но субъектом высказывания выступает учитель, который по желанию мальчика должен упасть на колени и просить у него прощения. Такое желание, при котором субъект акта высказывания не совпадают с субъектом высказывания, по мнению Ц. Тодорова, можно назвать гипотетическим (предсказательным). Во втором фрагменте девочка «желает» чтобы папа купил ей настоящую коляску с лошадьми, и хочет, чтобы на этой коляске она поехала с няней. Такое желание автор выражает посредством опатива (опативного наклонения) «когда наклонение соответствует, тем действиям, которые являются предметом желаний персонажа» [8:182]. В последнем фрагменте желания субъекта акта высказывания (Илю-

ши Снегирева) выражены будущем временем в индикативном наклонении и больше тяготеют к выражению им поставленных целей, что объясняется горькой обидой, которую мальчик затаил на Дмитрия Карамазова, обидчика своего отца. Во всех трех фрагментах Достоевский актуализирует идею веры детей в исполнение их желаний различными средствами изобразительности.

Вывод: обобщая результаты анализа художественных произведений Достоевского, исходя из специфики его текстов, можно заключить, что писатель плодотворно использовал элементы автоинтертекстуальности, как своеобразный способ создания инвариантного образа ребенка-жертвы, как особое средство автокоммуникации, как метод коммуникативного воздействия на читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михеев М. Повтор мотива в «записках юного врача» Булгакова \ Михаил Михеев Повтор мотива в «записках юного врача» Булгакова \ Художественный текст как динамическая система: Международная научная конференция, посв. 80-летию В.П. Григорьева / Ин-т рус.яз им. В.В. Виноградова РАН Москва, 19-22 мая 2005. – М.: Управление технологиями, 2006, С. 235-242.
2. Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности и Интертекст в мире текстов. – М.: Агар, 2000, 280с.
3. Селіванова О. О. Лінгвістична енциклопедія \ Селіванова Олена Олександрівна Лінгвістична енциклопедія, Полтава: Довкілля – К, 2010, 844с.
4. Долинин А.С. Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе \ Аркадий Семенович Долинин Достоевский и другие. Статьи и исследования о русской классической литературе, Ленинград: Художественная литература, 1989, 477с.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. Пособие для студентов высш. пед. уч. зав-ий. – М.: Издат. центр «Академия», 2003, 256с.
6. Достоевский Дневник писателя, Спб: Азбука классика, 2008, 459с.
7. Достоевский Ф.М. Собр. Сочинений в 10-ти томах, т. 10, М.: Художественная литература, 1958, 621с.
8. Тодоров Ц. Грамматика повествовательного текста \ Тодоров Цветан Грамматика повествовательного текста \ Текст: Аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики, Сб. Ст. – М.: Эдиториал УРСС, 2001, С. 176-189